

ратится, пока особый статус получили только МГУ и СПбГУ), которые имели право устраивать дополнительные испытания для поступающих, вокруг поступления возник ажиотаж. Многие вузы жаловались на небывалый наплыв абитуриентов, в том числе с очень высокими баллами. Однако, по статистике, имеющейся в распоряжении Рособнадзора, в текущем году в среднем по стране один абитуриент подавал документы не более чем в два вуза.

Как отмечает Любовь Глебова важным последствием введения ЕГЭ является то, что в новых правилах приема не заложено тотальной слежки и контроля за абитуриентами. Количество вузов, в которые абитуриент отправляет документы, является исключительно зоной его личной ответственности. Однако при этом абитуриент должен понимать, что, если где-то случится, предоставив неверные сведения, этот обман будет легко обнаружен. Например, каждая сдача документов в вуз фиксируется в федеральной базе свидетельств о результатах ЕГЭ, и как только этих заходов будет больше пяти, превышение отобразится в ней автоматически. При желании вуз может зайти в базу, увидеть это и отказать абитуриенту в приеме документов.

«Мне кажется, что эта мера по ограничению количества вузов очень верная, — говорит Любовь Глебова. — При чем речь идет не о том, чтобы облегчить работу вузам, скорее даже наоборот. Дело в том, что каждый абитуриент должен понимать, что информации, которую он дает, доверяют. Но если один раз дойдет до проверки и она не будет подтверждена — прощай, вуз. Это формирует у будущих студентов ответственность за собственные решения».

КОНСТРУКТИВНАЯ ДИСКУССИЯ Оценивая критику раздающуюся в адрес ЕГЭ, Любовь Глебова отмечает, что как ни парадоксально, но все те, кто резко выступает против единого государственного экзамена, на самом деле являются самыми активными его сторонниками: «Дело в том, что сегодняшние оппоненты ЕГЭ заставляют нас расширять этот инструмент и решать самые разнообразные проблемы. Например, нам говорят, что ЕГЭ не дает возможности оценить творческое мышление и интеллектуальные возможности. Мы отвечаем, что есть измерительные инструменты, которые оценивают и это. Причем по мере того, как расширяется практика ЕГЭ, сторонников у экзамена становится все больше. Мифы уходят, остается конструктивная критика».

Эти тенденции находят подтверждение на практике. Опрошенные ВГ учителя и студенты, прошедшие через процедуру ЕГЭ, оценивают ее вполне позитивно.

Так, по словам Дениса Жаринова, студента третьего курса МАИ, многие жалуются, что ЕГЭ мешает им поступить в вуз, но его личный опыт говорит о другом: «Сдать на поступление в институт вполне реально и не так сложно. Если знаешь — сдашь, не знаешь — не сдашь. Но сама сдача вполне адекватна. Единственное, что хотелось бы усовершенствовать, — это процедуру оформления бланков. Уж очень она строгая».

А Людмила Селюкова, студентка второго курса Российской экономической академии им. Г. В. Плеханова, отметила, что у ЕГЭ есть и положительные, и отрицательные стороны: «К положительным можно отнести упрощение сдачи экзаменов при выпуске из школы и поступлении в вуз. А к отрицательным, пожалуй, то, что для сдачи ЕГЭ не требуются глубокие знания предмета, часто подготовка сводится к отработке шаблонных вопросов и ответов».

Опрошенные нами учителя считают, что ЕГЭ нужен, но его практику необходимо совершенствовать. Как рассказала ВГ Галина Маскалянова, преподаватель русского языка и литературы МОУ СОШ № 21 города Липецка, когда несколько лет назад вводили ЕГЭ, многие учителя русского и литературы вздохнули с облегчением: «В послед-

НЕСМОТЯ НА ТО ЧТО ВСЬ ПРОГРЕССИВНЫЙ МИР ДАВНО ПРИМЕНЯЕТ НА ПРАКТИКЕ ЭКЗАМЕНЫ, АНАЛОГИЧНЫЕ ЕГЭ, САМА ИДЕЯ ВСЕРОССИЙСКОГО ТЕСТА С САМОГО НАЧАЛА ВСТРЕТИЛА ДРУЖНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ СО СТОРОНЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

ВАСИЛИЙ ШАТКО/РИО

ПРОЦЕДУРА СДАЧИ ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКЗАМЕНА ВЫСТРОЕНА ТАКИМ ОБРАЗОМ, ЧТОБЫ ПОЛУЧИТЬ МАКСИМАЛЬНО НЕЗАВИСИМУЮ ОЦЕНКУ ЗНАНИЙ УЧАЩЕГОСЯ

нее время сдача выпускных сочинений превратилась в абсурд, особенно с медальными работами. Требования настолько строгие, что дети не в состоянии были такие работы написать — и все это превратилось в конкурс учительских сочинений. Когда мы перешли на ЕГЭ, эта практика,

к счастью, прекратилась. Но возникли другие проблемы. Выяснилось, что дети теперь умеют давать однозначные ответы на тестовые задания, но разучились составлять связный текст, затрудняются привести аргументы к выказанной позиции. Например, в блоке С требуется дать рецензию на текст. Даются четкие критерии, но они отличаются от школьных. Встречаются тестовые задания, которые не соответствуют школьным стандартам, поэтому следует усовершенствовать содержание КИМов. Думаю, для

ПРЯМАЯ РЕЧЬ ВЫ РЕЗУЛЬТАТАМИ ЕГЭ ДОВОЛЬНЫ?

Ефим Пивовар, ректор РГГУ:

— В целом у нас никаких опасений нет, хотя, конечно, систему надо совершенствовать. Курс, набранный в этом году, нам понравился. Мы и раньше принимали по результатам ЕГЭ. В этом году были также поступившие по олимпиадам, разнообразным творческим экзаменам. Никаких существенных отличий я пока отметить не могу. В прессе писали, что по стране результаты были самыми различными, в том числе негативными, но нас эта сторона не коснулась. Конечно, есть направления для совершенствования системы. Это касается и КИМов, и организации самих экзаменов — надо уточнять, где их проводить, как лучше. Надо вводить систему сопровождающих материалов — портфолио абитуриента. ЕГЭ пока единственная мера оценки знаний и умений ученика, но в соответствии с мировыми стандартами она должна сопровождаться целым рядом других характеристик.

Ирина Анурова, директор московской школы имени мигеля сервантеса сааведры № 1252 с углубленным изучением испанского языка:

— Если многие критиковали введение ЕГЭ, то моя позиция изначально была такова: не мы принимали решение о введении единого госэкзамена, но есть компетентные люди, которые сочли, что это необходимо, и от нашего мнения здесь уже ничто не зависит: решение не изменят. Об этом я сказала во время первого обсуждения введения ЕГЭ моему трудовому коллективу, добавив, что нам нужно максимально приспособиться, сделать так, чтобы новая система оценивания не испортила нам годами нарабатываемого. Главное было правильно внедрить новые требования, дать детям возможность хорошо подготовиться к новым контрольно-измерительным материалам. У наших учеников оценки по ЕГЭ зачастую были выше тех, которые мы поставили в школе: у нас требования очень строгие. По результатам ЕГЭ этим летом четыре наших выпускника поступили в МГИМО. Если раньше существовал стереотип, что к подобным вузам без дорогостоящих репетиторов не подойти, и мы наблюдали, что на их штурм решались выпускники из обеспеченных семей, то этот выпуск показал, что благодаря ЕГЭ дети из всех семей получили доступ к престижным учебным заведениям.

Таймураз Мамсуров, глава республики Северная Осетия-Алания:

— Я жесткий консерватор и редко одобряю новое с ходу. Как инженер, я прислушиваюсь к мнению специалистов. Среди них есть критики ЕГЭ. Но называется и много положительного. В старой школе больше ценилось не накопление знаний, а умение думать. Но, может быть, в новые времена нужны всезнайки? Тогда действительно нужно ставить крестики-нолики в ответе на вопрос, о чем думала Наташа Ростова на балу. Мои дети учатся и не нервничают. Избавляясь от недостатков, улучшать ЕГЭ надо по всем направлениям, но об этом уже заговорил не только министр образования, но и первые лица государства.

Сергей Шматко, министр энергетики России:

— Не знаю. Мои дети еще в школу ходят, старший — в шестой класс. Но хочу поздравить Кирсана Илюмжинова — вероятно, это его программа пропаганды шахмат дала такие потрясающие результаты, что школьники Калмыкии лидируют по результатам ЕГЭ.

всех учащихся должен быть протестирован базовый уровень усвоения четырех дисциплин и только для будущих абитуриентов должны включаться задания профильного уровня. Чтобы не делать из ЕГЭ страшилку, необходима не только предметная, но и психологическая подготовка учеников. Тест — одна из форм контроля, но нельзя делать ее главной. Именно поэтому достичь объективности результатов пока тоже не удается. Как идея ЕГЭ хороша, но воплощение требует доработки».

Ирина Дешина, учитель английского языка гимназии № 2 города Обнинска, сначала была противницей ЕГЭ, но со временем ее мнение изменилось: «ЕГЭ по английскому очень даже неплох и во многом похож на FCE (First Certificate in English — кембриджский экзамен по английскому языку. — ВГ). На мой взгляд, неудачной была устная часть — Speaking, но ее пока временно убрали из экзамена, потому что регионы оказались не готовы к аудированию. Надеюсь, ее вернут в усовершенствованном виде. Главный плюс ЕГЭ в том, что раньше мы готовили детей по-разному для каждого института, теперь такой проблемы нет — мы учим их по единым требованиям ЕГЭ».

По мнению Любови Глебовой, образование в России сейчас переживает один из самых ответственных периодов своего развития, поскольку сама идея ЕГЭ поставила на повестку дня множество острых проблем и тем для обсуждения и совершенствования: «ЕГЭ — это, безусловно, очевидный инструмент, созвучный информационному обществу. А критика вызвана тем, что о нем судят с точки зрения традиционных представлений о принципах действия оценочных механизмов. Но сегодня мы все-таки входим в информационное пространство — эти устаревшие представления необходимо преодолевать. Так вот, с точки зрения технологий ЕГЭ готов к такому переходу больше, чем какой-либо другой оценочный инструмент. На сегодня ему нет равных». ■

Григорий Элькин, руководитель федерального агентства по техническому регулированию и метрологии:

— В целом я воспринимаю ЕГЭ с большим удовлетворением. Его можно и нужно улучшать, использовать как один из механизмов модернизации всей системы образования, то есть дифференцированно. Уровень подготовки выпускников в регионах очень разный, поэтому нужно использовать систему вроде национальных направлений, как это было в СССР. С другой стороны, в Физтехе, например, собеседование было важнее всех экзаменов. Здесь чисто техническое регулирование и стандартизация неуместны.

Давид Якобашвили, председатель совета директоров компании «ВИММ-БИЛЛЬ-ДАН»:

— Доволен уже тем, что это принято. На первых порах будут ошибки и злоупотребления, но весь мир имеет эту систему. С большими трудностями, исправляя недоработки и извращения, мы тоже должны внедрить ЕГЭ. Пострадает много детей, но разубить этот гордиев узел надо. Думаю, если работать не покладая рук, работа над ошибками займет три-пять лет, но обязательно надо довести дело до конца. Я не согласен с некоторыми определениями, положениями в учебниках, но это нюансы. Над ними тоже надо работать и совершенствовать.

Юрий Елисеев, гендиректор федерального НПЦ «САЛЮТ»:

— Я сторонник сохранения всего хорошего в нашем образовании и системе сдачи экзаменов. Таким вузам, как МГУ, Физтех, МАИ, не подходит прием по ЕГЭ, потому что там надо набирать талантливых студентов. С абитуриентом должен разговаривать преподаватель, а не автоматически определять лучших по числу галочек. В глубинке порой преподавателей нет, но там тоже есть талантливые ребята. Наверное, ЕГЭ, как и любую систему, можно улучшить. Нужно совместить его с нашей традиционной системой, чтобы исключить тупой автоматизм при определении результатов.

Александр Иоффе, президент ассоциации развития малого и среднего предпринимательства:

— Эту процедуру нужно сильно корректировать, смешивать с устной формой. Как промежуточно-предварительный этап ЕГЭ можно принять, но главным должен оставаться обычный экзамен.

Вячеслав Фетисов, председатель комиссии совета федерации по физической культуре и спорту, председатель совета директоров КХЛ:

— В основном да. То, что сейчас больше недовольных, чем довольных ЕГЭ, закономерно. Любое изменение сложившейся системы — сложный процесс и всегда вызывает раздражение. Нужно учитывать и ценить сложившиеся традиции, но важно и не отстать от мирового развития. Министерство образования — тоже достаточно консервативное ведомство. Сейчас оно работает совместно с критиками, учитывает допущенные промахи. Думаю, это даст положительный результат и новая система сдачи экзаменов будет отвечать современным требованиям.